

БОРИС ПАСТЕРНАК

стихотворения

МОСКВА

2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
П19

Предисловие Евгения Пастернака
Оформление переплета и иллюстрация
Елены Околыциной

Иллюстрация в марке серии:
© bsd / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Пастернак, Борис Леонидович.
П19 Стихотворения / Борис Пастернак. — Мо-
сква : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-105925-5

Поэзия для Б. Пастернака (1890–1960) — второго после И.А. Бунина российского лауреата Нобелевской премии — прежде всего познание мира во всем его многообразии, постижение его гармонии, ощущение полноты бытия. Его упрекали в «отрешенности от жизни», а он оставался творческой силой своего поколения. Удивление перед красотой этого мира — одна из главных составляющих творчества Б. Пастернака!

В книгу включены стихотворения, роман в стихах «Спекторский».

© Пастернак Б. Л., наследники, 2024
© Пастернак Е. Б., предисловие.
Наследники, 2024
© Оформление.

ISBN 978-5-04-105925-5 ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом сборнике стихотворений Бориса Пастернака, писавшихся в разные годы, мы хотели обратить внимание читателя на единый, органический характер основного содержания его многолетнего труда (1910—1960). На его глазах менялся мир, образ которого рисовал Пастернак, но сохраняя цельность своего дарования и верность ему, он зорко следил за тем, что происходило вокруг, не обманываясь владычеством «трескучей фразы» и лжи злободневности, всеохватно царившим в его зрелые годы.

Пастернак считал, что «одаренный человек знает, как много выигрывает жизнь при полном и правильном освещении и как проигрывает в полутьме», и в таланте видел залог чести и верности себе, то есть «детскую модель вселенной», заложенную с малых лет в сердце художника. Он писал: «Дарование учит чести и бесстрашию, потому что оно открывает, как сказочно много вносит честь в общедраматический замысел существования». Стремление к правде становится для талантливого

человека личной заинтересованностью, несмотря на то, что эта позиция в жизни может обернуться трагедией, что второстепенно.

Пастернак писал эти слова в 1948 году поэту Кайсыну Кулиеву, оказавшемуся в ссылке в связи с насильственным выселением балкарского народа с Кавказа. И действительно, сам Пастернак всю жизнь и все свои творческие силы посвятил сохранению той «детской модели вселенной», которую впитал в сердце в артистической атмосфере родительского дома. Помимо активного творческого отношения к искусству живописи и музыке, которым посвятили свою жизнь его отец и мать, в общем духе семьи в первую очередь сказывалось влияние Льва Толстого и преклонение перед его нравственной высотой и художественным мастерством. Отец иллюстрировал его произведения, много рисовал его самого и членов его семьи, родители ездили в Ясную Поляну. Вызванный в Астапово делать посмертную маску, отец взял с собою 20-летнего Бориса. Христианские черты учения Толстого составили незыблемую основу нравственной модели мира Бориса Пастернака. Неприятие насилия и лжи стало главной точкой его столкновения со временем, вмнявшим в обязанность жестокое отношение к «врагам» и необходимость кровавой расправы с ними. В ответ на решительный отказ Пастернака подписать письмо

под расстрелом очередной партийной группировки первый секретарь Союза писателей орал на него: «Когда кончится это толстовское юродство?»

Пастернак был абсолютно далек от политики, но занятая им позиция вступала в противоречие с общественным настроением и вызывала постоянные критические обвинения в оторванности от жизни, «комнатности» его поэзии. На протяжении всей жизни Пастернака из одной статьи в другую переходила цитата из стихотворения 1917 года в качестве очевидного доказательства чужеродности его как стороннего наблюдателя, далекого от современности:

В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь фортку крикну детворе:
Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?

Мастерски зарисованные картины весенней природы и состояние постоянного восхищения жизнью, несмотря на все ее невзгоды и тяжести, заслоняли от взора современников рассеянные в стихах Пастернака зорко подмеченные подробности жизни и то, как отразились в ней «года мытарств и времена немислимого быта».

Природа для Пастернака не столько предмет пейзажа, сколько другое наименование жизни, при-

мер душевного здоровья, естественности и красоты, которые он переносил в искусство, приобщая к духовному миру человека. В статье 1918 года «Несколько положений» он называл действительный мир — «удачным замыслом воображенья», который «служит поэту примером в большей еще степени, нежели — натурой и моделью».

В стихотворении «Художник» (1936) Пастернак, следуя традиции «Памятника» Горация — Пушкина, так характеризовал свою жизнь и поведение:

Но кто ж он? На какой арене
Стяжал он поздний опыт свой?
С кем протекли его боренья?
С самим собой. С самим собой.

Как поселенье на Гольфштреме,
Он создан весь земным теплом.
В его залив вкатило время
Все, что ушло за волнолом.

Он жаждал воли и покоя.
А годы шли примерно так,
Как облака над мастерскою,
Где горбился его верстак.

Пастернак прожил плодотворную жизнь и оставил цельное свидетельство виденного и пережитого, отразившегося, в частности, в стихотво-

рениях, которые отобраны для этого сборника из его поэтических книг разного времени. В конце жизни, после издания за границей «Доктора Живаго», к нему пришла всемирная известность, обернувшаяся на родине политической травлей и лишениями. Он был готов к этому, как к плате за то неслыханное счастье, которое выпало ему на долю, — возможность высказаться полностью как художнику и завоевать любовь читателей во всем мире.

После его кончины Варлаам Шаламов писал о его месте в жизни современников:

«Пастернак давно перестал быть для меня только поэтом. Он был совестью моего поколения, наследником Льва Толстого. Русская интеллигенция искала у него решения всех вопросов времени, гордилась его нравственной твердостью, его творческой силой. Я всегда считал, считаю и сейчас, что в жизни должны быть такие люди, живые люди, наши современники, которым мы могли бы верить, чей нравственный авторитет был бы безграничен. И это обязательно должны быть наши соседи. Тогда нам легче жить, легче сохранять веру в человека».

Евгений Пастернак

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен
Чрез благовест, чрез клик колес
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.

Где, как обутленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

1912

СОН

Мне снилась осень в полусвете стекол,
Друзья и ты в их шутовской гурьбе,
И, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе.

Но время шло, и старилось, и gloхло,
И паволокой рамы серебря,
Заря из сада обдавала стекла
Кровавыми слезами сентября.

Но время шло и старилось. И рыхлый,
Как лед, трещал и таял кресел шелк.
Вдруг, громкая, запнулась ты и стихла,
И сон, как отзвук колокола, смолк.

Я пробудился. Был, как осень, темен
Рассвет, и ветер, удаляясь, нес,
Как за возом бегущий дождь соломин,
Гряду бегущих по небу берез.

1913, 1928

ВОКЗАЛ

Вокзал, несгораемый ящик
Разлук моих, встреч и разлук,
Испытанный друг и указчик,
Начать — не исчислить заслуг.

Бывало, вся жизнь моя — в шарфе,
Лишь подан к посадке состав,
И пышут намордники гарпий,
Парами глаза нам застлав.

Бывало, лишь рядом усядусь —
И крышка. Приник и отник.
Прощай же, пора, моя радость!
Я спрыгну сейчас, проводник.

Бывало, раздвинется запад
В маневрах ненастий и шпал
И примется хлопьями цапать,
Чтоб под буфера не попал.

И глохнет свисток повторенный,
А издали вторит другой,
И поезд метет по перронам
Глухой многогорбой пургой.

И вот уже сумеркам невтерпь,
И вот уж, за дымом вослед,
Срываются поле и ветер, —
О, быть бы и мне в их числе!

1913, 1928

ЗИМА

Прижимаюсь щекою к воронке
Завитой, как улитка, зимы.
«По местам, кто не хочет — к сторонке!»
Шумы-шорохи, гром кутерьмы.

«Значит — в «море волнуется»? В повесть,
Завивающуюся жгутом,
Где вступают в черед, не готовясь?
Значит — в жизнь? Значит — в повесть о том,

Как нечаян конец? Об уморе,
Смехе, сутолоке, беготне?
Значит — вправду волнуется море
И стихает, не справясь о дне?»

Это раковины ли гудень?
Пересуды ли комнат-тихонь?
Со своей ли поссорившись тенью,
Громыхает заслонкой огонь?

Поднимаются вздохи отдушин
И осматриваются — и в плач.
Черным храпом карет перекушен,
В белом облаке скачет лихач.

И невыполотые заносы
На оконный ползут парапет.
За стаканчиками купороса
Ничего не бывало и нет.

1913, 1928

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Не поправить дня усилиями светилен,
Не поднять теням крещенских покрывал.
На земле зима, и дым огней бессилен
Распрямить дома, полегшие вповал.

Булки фонарей и пышки крыш, и черным
По белу в снегу — косяк особняка:
Это — барский дом, и я в нем гувернером.
Я один — я спать усладил ученика.

Никого не ждут. Но — наглухо портьеру.
Тротуар в буграх, крыльцо замечено.
Память, не ершись! Срастись со мной! Уверуй
И уверь меня, что я с тобой — одно.

Снова ты о ней? Но я не тем взволнован.
Кто открыл ей сроки, кто навел на след?
Тот удар — исток всего. До остального,
Милостью ее, теперь мне дела нет.

Тротуар в буграх. Меж снеговых развилин,
Вмерзшие бутылки голых черных льдин.
Булки фонарей, и на трубе, как филин,
Потонувший в перьях, нелюдимый дым.

1913, 1928

ПЕТЕРБУРГ

Как в пулю сажают вторую пулю
Или бьют на пари по свечке,
Так этот раскат берегов и улиц
Петром разряжен без осечки.

О, как он велик был! Как сеткой конвульсий
Покрылись железные щеки,
Когда на Петровы глаза навернулись,
Слезя их, заливы в осоке!

И к горлу балтийские волны, как комья
Тоски, подкатали; когда им
Забвенья владело; когда он знакомил
С империей царство, край — с краем.

Нет времени у вдохновенья. Болото,
Земля ли, иль море, иль лужа, —
Мне здесь сновиденье явилось, и счеты
Сведу с ним сейчас же и тут же.

Он тучами был, как делами, завален.
В ненастья натянутый парус
Чертежной щетиною ста готовален
Врезалася царская ярость.

В дверях, над Невой, на часах, гайдуками,
Века пожирая, стояли
Шпалеры бессонниц в горячечном гаме
Рубанков, снастей и пицалей.

И знали: не будет приема. Ни мамок,
Ни дядек, ни бар, ни холопей,
Пока у него на чертежный подрамоч
Надеты таежные топи.

Волны толкутся. Мостки для ходьбы.
Облачно. Небо над буюм, залитым
Мутью, мешает с точеным графитом
Узких свистков паровые клубы.

Пасмурный день растерял катера.
Снасти крепки, как раскуренный кнастер.
Дегтем и доками пахнет ненастье
И огурцами — баркасов кора.

С мартовской тучи летят паруса
Наоткось, мокрыми хлопьями в слякоть,
Тают в каналах балтийского шлака,
Тлеют по черным следам колеса.

Облачно. Щелкает лодочный блок.
Пристани бьют в ледяные ладоши.
Гулко булыжник обрушивши, лошадь
Глухо въезжает на мокрый песок.

Чертежный рейсфедер
Всадника медного
От всадника — ветер
Морей унаследовал.

Каналы на прибыли,
Нева прибывает.
Он северным грифелем
Наносит трамваи.

Попробуйте, лягте-ка
Под тучею серой,
Здесь скачут на практике
Поверх барьеров.